

ДАВИД ГАРБАР

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, ЧТО СО МНОЙ СЛУЧИЛОСЬ?

Что случилось, что со мной случилось:
Я в Германии, – как это объяснить?
Я в Германии, – прости, так получилось.
Я в Германии, – и некого винить.

Я в Германии – стихи читаю:
Там про Гетто, там про Холокост.
Что случилось? Я не понимаю...
И из прошлого протягиваю мост.

Как посмел приехать в эту землю?
Как сумел приехать? Как живу?
Задаю вопрос, – ответу внемлю...
Нет покоя ни во сне, ни наяву.

Что случилось, что со мной случилось?
Так, ведь, не должно случиться, нет!
Кто мне объяснит, – проявит милость?
Кто ответит мне?! Ответа нет...
1996 — 1997. Дуйсбург ФРГ

НАРОД МОЙ

Сожжённый на кострах средневековья
И в пламени освенцимских печей,
Ты сохранил духовное здоровье,
Презрев обиды и проклятья палачей.

Сменялись страны, шли столетья:
Египет, Вавилон, Германия, Волынь...
Но не кончалось время лихолетья:
Ты помнишь тамариск и липу, и полынь.

А ты, – рассеянный, распятый и убитый,-
С несокрушимой верой в Божий Храм,
С Завета Свитком и молитвой
Идёшь к его распахнутым дверям.

Народ мой, ты живой, как прежде:
Ты победил и смерть, и страх.
Ковчег Завета у тебя в руках
И Щит Давида на твоей одежде.
1997 г. Дуйсбург. ФРГ.

* * *

ДЕНЬ ХОЛОКОСТА

Сюда, где в Судный День мой родич незнакомый
Освенцимскою пылью в землю лёг,
Приехал в поисках неведомого дома...
Как я решился? Как посмел? Как смог?

Вопрос звучит во мне. Звучит и днём и ночью.
Он спать, он жить мне не дает.
Жить без ответа не хватает мочи.
Ответ же мучает и жжёт.

А там, где был я прежде, – запустенье.
И злоба чёрная, и горький быт.
Ты тоже там не свой. И каждое мгновенье
Тебе об этом говорит.

Вопросы, горькие вопросы...
Ответов нет. Иль их не хочешь ты.
Жизнь тает, как дымок от папиросы,
В смятенье повседневной суеты.
1998. Дуйсбург. ФРГ.

* * *

АННА И РОЗА

Памяти Анны Франк
и Розы Ауслендер

Маленькая девочка
в чёрном Амстердаме,
Женщина, опущенная
в черновицкий мрак
Что объединяет Вас,
что сближает с нами?
Ужас пережитого,
вековечный страх.

Жизнь ещё не начата,
жизнь ещё не прожита.
Что-то с нами сбудется,
что нас ждёт потом?
Жизнь еще не начата,
но уже растоптана
Горькою судьбою,
вражьим сапогом.

Ты осталась девочкой,
ты осталась жертвою
ты осталась символом
в памяти людей.

Мне иное выпало,
мне иное дадено,
мне скитаться мёртвою
среди живых огней.

Девочка и женщина –
– обе мы из прошлого,
Обе мы взываем
к памяти людей
То, что не сказала ты,
мне сказать завещано.
Поручил сказать мне
век наш – лиходеи.

Девочка и женщина,-
судьбы очень схожи,
Судьбы очень розны, –
– жизнь так подвела.
Но сквозь страх и ужас, –
– это воля божья, –
Маленькая Анна
Розой проросла.
1998. Дуйсбург. ФРГ

* * *

МИРЫ РОЗЫ АУСЛЕНДЕР

Я погружаюсь в мир её стихов,
В мир страшных образов и горьких испытаний,
В мир боли, ужаса, страданий...
Ну что поделаешь, – ведь мир её таков.

Я погружаюсь в мир её стихов,
В мир сломанных судеб, теней и мрака,
В мир горьких символов и знаков зодиака...
Ну что поделаешь, – коль мир её таков.

Я погружаюсь в мир её стихов,
В мир предвоенных грёз, послевоенных бдений,
В мир трудных слов, страданий и борений...
Ну что поделаешь, – ведь мир её таков.

Я погружаюсь в мир её стихов,
В мир образов и Босха, и Шагала,
В мир века, с коим жизнь её совпала.
Ну что поделаешь, – и наш ведь мир таков

Я погружаюсь в мир её стихов,
В мир женщины, сим веком опалённой.
Стою пред образом её, – коленопреклоненный.
Мы современники. И этот мир таков.

1999. Дуйсбург. ФРГ.

* * *

ЯД — ВАШЕМ
(триптих)

Долина (ущелье) Общин

Я брожу по этому ущелью
И не знаю – вечность или час.
Никого, лишь надписи и щели
Страшной тенью окружают нас.

Вот местечко, где родилась мама,
Вот местечко – родина отца.
Нет местечек, – только кровь и ямы.
Ужас без начала и конца.

Я бреду по этому ущелью.
Скорбный путь. И нет ему конца.
Шесть миллионов в этой страшной щели.
И Бетон. И не укрыть лица.

* * *

ДЕТСКИЙ ПАВИЛЬОН

Я не помню частных, деталей.
Помню только этот тёмный зал,
Где как звёзды, сотни душ витали.
Помню страшный поезд и вокзал.

И когда зажмуриваю очи,
Ощущаю эту тишину.
И огни, как звёзды тёмной ночью.
И войну. Проклятую войну...

Я не помню частных, деталей.
Только звёздочки сверкают в вышине.
Души детские из необъятных далей
О Войне рассказывают мне.

* * *

АЛЛЕЯ ПРАВЕДНИКОВ

В Яд-Вашеме, в Иерусалиме
Есть Аллея – новый Крестный путь.
Чередой Купин неопалимых
Ты пройди, запомни, не забудь!

Не аллея, – тропка над горою.
Без национальностей и рас
Просто люди, тихие герои, –
Праведники обступают нас.

Праведникам чужды мавзолеи.
Человек ведь памятью храним.
В Яд-Вашеме тянется Аллея.
Мавзолеем им – Иерусалим.
Дуйсбург.1999.

* * *

МИНЬЯН

на могиле советских военнопленных
на кладбище Дюссельдорфа

Когда я вспоминаю о Войне,
Которую узнал ещё ребёнком,
Не о салюте вспоминаю звонком,
Я вспоминаю о тревожной тишине.

О тишине, повисшей над толпой,
Когда нам Молотов сказал про время “Ч”.
И мы, забыв о брошенном мяче,
В испуге к бабушке спешим домой.

О тишине и о столбах дымов,
О страшных птицах в белорусском небе,
О тех местах, где был я и где не был,
О тишине покинутых домов.

О тишине, разившей наповал,
Входивших в дом военных похоронок,
О тишине такой, что даже я – ребёнок
Без слов про горе понимал.

Я снова вспомнил эту тишину,
Когда на кладбище в Германии, у Рейна,
В том городе, где жил когда-то Гейне,
Миньян евреев поминал Войну.

Миньяном – вдесятером, по правилам святым
Молились эмигранты из России.
Они за всех, лежащих здесь, просили,
Не различая, кто чужим был, кто своим.

Когда я снова вспомню о Войне, –
А я забыть её до смерти не смогу, –
И эту память как святыню берегу, –
Миньян на Рейне вспоминаться будет мне.

Примечания:

1. “Миньян” – в традиционном еврейском праве минимальное количество членов молитвенной общины.
2. “Время “Ч” – время начала боевых действий (военное).
Дуйсбург, 8-9.05.2000г.

ХОЛОКОСТ
(триптих)

ВАНЗЕЕ

Было тихо и мирно, вино разносила прислуга.
Дамы в платьях вечерних, мужчин обрисовывал фрак.
Господа улыбались и шутки скользили по кругу.
А Европа? – Европу окутывал ужас и мрак...

Это было впервые, – такого ещё не бывало,
Чтобы к смерти вот так приговорен был целый народ.
Над Европою чёрное солнце вставало.
Ну, а здесь веселился в мундиры затянутый сброд.

Тихо дремлет Ванзее – ничто не нарушит покоя...
Нету траурных флагов, нет скорбных сирен – не гудят.
Как случилось такое? Как случилось такое!
Шесть миллионов сквозь воды Ванзее глядят и глядят...
Потсдам – Дуйсбург , 20 – 22. 04. 2004 г.

* * *

ХРУСТАЛЬНАЯ НОЧЬ

Хрустит разбитое стекло...
Нет, не стекло, – душа хрустит.
Простит ли Он? А вдруг простит?!
Мол, «всё быльём былое поросло».

Вопит взбешённая страна:
Десятки глоток, сотни, тыщи...
В разбитых окнах ветер свищет.
Война! Война! Ликует сатана.

Отрыжка пива, крики, визг,
Всполохи, вопли, темнота.
Толпа, толпа, – страна не та.
Витрины вдрызг, витрины вдрызг.

Хрустит разбитое стекло.
Осколки разлетаются по свету.
Спасенья нету, нету, нету!
Коричневою мглой весь мир заволкло...

Жизнь, смерть, река, повисший мост...
Народ, текущий ручейком...
Течёт, течёт... А в горле ком.
Звон хрусталя. Ночь. Холокост.

P. S.
Земное зло ушло в небытиё.
Но памяти осколки ранят душу.
Остался жив! И клятвы не нарушу.
«Ночь хрусталя» – нам не забыть её.

Хрустит стекло, разбитое, в ночи.
Нет, не стекло, – душа хрустит.
Нет, не забыт, никто здесь не забыт.
И Ты не позабудь! Не прЕмолчи!

Хрустит стекло...

Дуйсбург. 9-10.11.2008 г. (70 лет Хрустальной ночи) Редакция 20-23.11.2008 г.

* * *

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ

Женщины и мужчины... Нет, не могу уснуть!
Новая годовщина. Тот же кровавый путь...

Женщины и мужчины... Кто вас? За что? Почему?
Как же так – без причины? Нет, не пойму! Не пойму.

Женщины и мужчины. Ночь. Обыватели спят.
Едут газвагены*. Трубы. Трубы дымят и дымят.

Женщины и мужчины. Мир наш охвачен злом.
Мёртвые – шесть миллионов. Ну а живым повезло?

Женщины и мужчины. Тает свеча во тьме**...
Сон мой, скажи, за что же ты не идёшь ко мне?

Женщины и мужчины. Прошлого не избыть.
Боже! Великий Боже! Боже, не дай забыть!

Дуйсбург. В ночь на 27.01.2010 г. – в день ПАМЯТИ ЖЕРТВ ХОЛОКОСТА

*Газваген, газовый автомобиль (нем. Gaswagen) — специально оборудованный автомобиль, использовавшийся нацистской Германией в период Второй мировой войны для уничтожения людей путём отравления выхлопными газами – «душегубка».

** По еврейской традиции в день поминовения зажигается свеча, которая должна гореть целые сутки.

* * *

ХРУСТАЛЬНАЯ НОЧЬ 2

Германия в огнях: огни, огни, огни...
А я иные вспоминаю дни:

Я вспоминаю всполохи огня...
Нет, не меня они ожгли. Но и меня.

Толпа людей, охваченная Злом.
Мне повезло. Не всем так повезло.

Хруст битого стекла! Война! Война!
В восторге плебс. Ликует Сатана.

Я вижу ряд дымящих труб.
Я слышу шёпот омертвевших губ...

Меня пугает блеск свечей.
В нём отблески освенцимских печей...

Я слышу хруст, – хрустит земля...
С тех пор и не люблю я хрусталя.

Дуйсбург. 9-10.11.2010 г. (Хрустальная ночь 2010 г.)

Об Авторе: Давид Гарбар

Гарбар Давид Иосифович (15.03.1935 г., Белоруссия). Выпускник Белорусского Государственного Университета им. В. И. Ленина, доктор геолого–минералогических наук, стихотворец, эссеист. С 1996 года проживает в Германии, Стихи пишет давно. Первые годы воздерживался от публикаций. Впервые опубликовал свои стихи в 1992 году. В Германии неожиданно для себя занялся эссеистикой и "переложением" стихотворений немецкоязычных поэтов на русский язык. С недавних пор занимается переложением стихов и других авторов. Большое внимание уделяет библейской тематике. Автор четырёх книг стихов и около полутора сотен статей. Стихи, эссе и другие материалы публикуются в периодических изданиях разных стран. Участник нескольких поэтических антологий. Часто публикуется в Интернете.